

ЭТИКОТЕОЛОГИЯ КАНТА В ВОСПРИЯТИИ Н. П. РОЖДЕСТВЕНСКОГО И Ф. А. ГОЛУБИНСКОГО В КОНТЕКСТЕ РЕЦЕПЦИИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КАНТА В КОНЦЕ XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX в. В РОССИИ

Л. Э. Крыштоп

Аннотация: В статье рассматривается рецепция Ф. А. Голубинским и Н. П. Рождественским этикотеологии Канта. Оба богослова рассматривали ее как один из возможных видов теологии. При этом оба отечественных богослова критиковали Канта за односторонность, полагая, что этот вид далеко не единственный. Кроме того, они настойчиво опровергали обвинения Канта в моральном эгоизме, настаивая на том, что введение в этику Канта постулата бытия Бога не привносит эвдемонистических элементов и не нарушает автономию воли, так как речь идет не о достижении личного счастья, но о максимально полной реализации высшего блага. В статье показывается, что традиция обвинять Канта в моральном эгоизме восходит корнями к самым первым этапам рецепции кантовской моральной философии в России. Эти обвинения встречались не только в России, однако в России они были широко распространены. Попытки опровергнуть эти обвинения, напротив, крайне редки. Судя по всему, кроме Голубинского и Рождественского их никто не предпринимал. В целом делается вывод о том, что оба богослова являются примером редкой для России положительной рецепции кантовской этикотеологической мысли.

Ключевые слова: Кант, этикотеология, Голубинский, Рождественский, нравственный довод, постулат, бытие Бога, моральный эгоизм, односторонность.

Кантовская философия никогда не пользовалась в России особой популярностью. Если в отношении других представителей так называемой по сей день у нас немецкой классической философии, таких как Г. В. Ф. Гегель или Ф. В. Й. Шеллинг, можно найти периоды искреннего увлечения, популярности или хотя бы вынужденного по идеологическим соображениям распространения, то с кантовской философией, к счастью ли, или нет, такого никогда не происходило.

© Крыштоп Л. Э., 2024.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01183, <https://rscf.ru/project/24-28-01183/>, тема «Философская теология: сущность, история, перспективы».

Несмотря на то что Кант несколько лет был подданным Российской империи, состоял в переписке с некоторыми российскими подданными и иностранцами, состоящими на службе в Российской империи, можно констатировать, что степень ознакомления с кантовскими философскими взглядами в целом в конце XVIII — начале XIX в. была весьма низкой¹. Последнее, однако, не означало, что она была совсем неизвестна у нас. Рецепция Канта в России началась достаточно рано, еще при жизни кенигсбергского философа. Важную роль в этом процессе играли приезжающие в Российскую империю, и прежде всего в Московский университет, немецкие профессора. Форпостом этой рецепции стал печально известный И. В. Л. Мельман, пребывавший в России и работавший в Московском университете с 1786 по 1795 г.² Большой вклад внесли также и другие немецкие профессора — И. М. Шаден, Ф. Хр. Рейнгард, И. Г. Буле, И. А. Фесслер, Ф. Хр. Рейнгард и др.

В дальнейшем, и достаточно быстро, круг лиц, имеющих прямое или косвенное отношение к рецепции идей Канта в России, значительно расширился. Так или иначе его взгляды становятся известны и обсуждаются во всех ведущих центрах академической и интеллектуальной жизни того времени — как в университетах, так и в духовных академиях. В то же время достаточно быстро прорисовываются и некоторые характерные черты рецепции кантовских философских взглядов в России. Прежде всего можно отметить, что отечественных мыслителей в большей степени интересовала практическая философия Канта, его взгляды на этику и религию, тогда как теоретическая философия привлекала гораздо меньшее внимание и рассматривалась нередко в контексте влияния кантовских выводов в рамках теории познания на его же построения в области моральной философии и философии религии.

Также нельзя обойти молчанием и распространенное представление о том, что в России преобладала подчеркнуто негативная реакция на кантовскую философию. Такую позицию можно встретить в работах многих современных исследователей данной проблематики. Т. Б. Дlugач отмечала, что философия Канта была, особенно для представителей религиозной философии в России, предметом «благовейного ужаса»³. Н. В. Мотрошилова обращала внимание на то, что история рецепции кантовской мысли в России «длинная и примечательная», но она вряд ли может считаться собственно «чередой спокойных, взвешенных историко-философских исследований»⁴. Сходного мнения придерживается и С. А. Нижников, отмечая, что в России преобладало откровенное неприятие

¹ См.: Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 2009. С. 7.

² См.: Круглов А. Н. Философская высылка как русская традиция: «дело» И. В. Л. Мельмана // X Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации: Материалы международной конференции: в 2 ч. / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград, 2010. Ч. 2. С. 60–70; Он же. Раннее кантианство в России: И. В. Л. Мельман и И. Г. Буле // Кантовский сборник. 2010. № 2 (32). С. 39–51.

³ Дlugач Т. Б. проблема времени в философии И. Канта и П. Флоренского // Кант и философия в России / под ред. З. А. Каменского, В. А. Жучкова. М.: Наука, 1994. С. 186.

⁴ Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада: В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. М.: Республика; Культурная Россия, 2007. С. 195.

или попытки истолкования творчества Канта с целью ассилияции с русским мировоззрением⁵. И, конечно, сложно не вспомнить в этой связи высказывание совсем недавнего времени, принадлежащее А. В. Ахутину, отстаивающему тезис о том, что в русской религиозной метафизической мысли Кант представлял преимущественно в облике «черта» и «искусителя»⁶. При этом так или иначе все эти исследователи склонны объяснять эту особенность рецепции кантовской философии в России пресловутыми особенностями русского мировоззрения и характерных для него фундаментальных установок в отношении ключевых проблем бытия и мышления, близкий, скорее, идеализму платоновского типа, нежели кантовской его версии.

На этом утверждении хотелось бы все же остановиться несколько подробнее. С одной стороны, с такой характеристикой рецепции кантовской мысли в России сложно поспорить. В подтверждение этой позиции можно привести целый ряд ярких высказываний представителей разных эпох (что нередко и делается в таких случаях). Так, А. С. Лубкин (1807) говорил о Канте как о «пotaенном безбожнике, отвергающем в сердце своем и бытие Бога, и бытие закона»⁷ и заявлял, что тот «делает подрыв и нравственности и религии, строит пагубные ковы против человеческого общежития, против самого человечества»⁸. Архиепископ Никанор (Бровкович) настаивал на том, что кантовская теория «надолго сбила с прямого пути самые крепкие умы Европы»⁹. А П. А. Флоренский писал, что Кант — «великий лукавец», а «кантовская система есть воистину система гениальна — гениальнейшее, что было, есть и будет... по части лукавства»¹⁰, чья «костлявая рука ворует сердца, чтобы убить их»¹¹, чья «холодная речь замораживает все живое»¹² и чье влияние, как «цепкие и холодные щупальцы, простирается и до нас, заползает и в нашу душу»¹³. С другой стороны, явных любителей кантовской философии мы вряд ли сможем найти. Пожалуй, к ним можно было бы причислить Л. Н. Толстого, но даже и его сложно было бы считать собственно «кантианцем», так как по целому ряду значимых положений он с Кантом существенно расходился¹⁴.

⁵ См.: Нижников С. А. Творчество И. Канта в диалоге культур России и Запада. М.: РОССПЭН, 2015. С. 18–19.

⁶ См.: Ахутин А. В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51–69.

⁷ Лубкин А. С. Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твердое основание независимо от религии // Кант: pro et contra. Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции. Антология / под ред. В. А. Жучкова. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. С. 15.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Никанор, архиепископ (Бровкович А. И.). Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб., 1888. Т. 3. С. 109.

¹⁰ Флоренский П. А. Философия культа (Опыт православной антроподицей) // Собрание сочинений. М., 2004. С. 103.

¹¹ Флоренский П. А. Из лекций по истории философии Нового времени // Философские науки. 2007. № 1. С. 36.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ См.: Крыштоп Л. Э. Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта. М., 2020. С. 469–471.

В то же время в таком представлении рецепции философии Канта в России часто полностью упускают из виду наличие в стройном хоре в целом действительно критических голосов элементов позитивной оценки и действительно глубокого схватывания основных кантовских интуиций. Именно представителями этого крыла, пусть и относительно, но все же положительной рецепции кантовских взглядов являлись Н. П. Рождественский (1840–1882) и Ф. А. Голубинский (1797–1854), о которых речь пойдет далее. Рассмотрение их взгляда на кантовские построения тем более интересно и важно, что способно несколько видоизменить привычное нам восприятие рецепции кантовской философии и осознать, что процесс этот вовсе не был столь однозначным и плоским, как, порой, стараются представить сторонники позиции «Кант — черт».

Этикотеология Канта

Переходя непосредственно к рассмотрению особенностей рецепции этикотеологической мысли Канта двумя представителями академической философии в России — Н. П. Рождественского и Ф. А. Голубинского — следует сначала определить, что в данном случае понимается под этикотеологией. Вопрос этот вовсе не столь тривиален. Сам Кант не реже называл это моральной теологией, нежели этикотеологией. Хотя в отечественном кантоведении закрепилось понятие «этикотеология», сам Кант предпочитал использовать понятие «моральная теология». Порой, мы можем найти в русскоязычных переводах даже случаи, когда немецкоязычное понятие “Moraltheologie” («моральная теология») на русский переводится как «этикотеология». Причины этого вполне понятны. Моральная теология (она же нравственное богословие) в целом, если смотреть на устоявшуюся классификацию богословских дисциплин как у нас, так и за рубежом, означает сегодня, как и во времена Канта, несколько иное. Например, «Православная энциклопедия» дает следующее определение: «Нравственное богословие — раздел богословия, в рамках которого изучается и систематически излагается христианское учение о нравственности, нравственном сознании и нравственном поведении человека»¹⁵.

Это расхождение кантовского словоупотребления и общепринятого существовало и при жизни философа. Если посмотреть на употребление этого понятия немецкими философами и теологами эпохи Просвещения, мы не найдем у них серьезных расхождений с современным определением этой дисциплины. Даже больше, для Канта эта разница значения была принципиально важна, о чем он сам прямо пишет. Определяя еще в первом издании «Критики чистого разума», что он сам понимает под моральной теологией, Кант особым образом подчеркивает, что «это не теологическая мораль, ибо она содержит в себе нравственные законы, предполагающие бытие высшего правителя мира; этикотеология [Moraltheologie] есть убеждение в бытии высшего существа, основывающееся на нравственных законах»¹⁶ [B 660 / A 632].

¹⁵ Домусчи С. Нравственное богословие // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 52. С. 131.

¹⁶ Kant I. Kritik der reinen Vernunft // Kant I. Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. III. Berlin: Georg Reimer, 1911. S. 421. Anm.; Кант И.

Таким образом, по сути, говоря о рецепции кантовской этикотеологии, мы будем рассматривать восприятие постулата бытия Бога и бессмертия души, которые, будучи связываемые с понятием высшего блага, становятся для Канта фундаментом нового вида теологии (в отличие от критикуемых им в первой «Критике» старых). В связи с этим сразу можно отметить, что постулат бытия Бога привлекал гораздо большее внимание, нежели постулат бессмертия души, причем в большинстве случаев он воспринимался как своеобразный вид доказательства. Его называли «нравственным доказательством» или «этико-теологическим доводом», что в корне противоречит собственно кантовской позиции по этому вопросу, но является весьма показательным для восприятия кантовской философии религии в России в то время. Не исключением явились и Н. П. Рождественский и Ф. А. Голубинский, которые также воспринимали фундаментальное для этикотеологии Канта положение постулирования бытия Бога именно как доказательство.

Рецепция этикотеологии Канта в богословской мысли Н. П. Рождественского

Николай Павлович Рождественский (1840–1882), выпускник, а в дальнейшем профессор Санкт-Петербургской духовной академии, был одним из выдающихся умов своего времени. Его основной труд, изданный на основе читавшихся Рождественским лекций, — двухтомник «Христианская апологетика» — поражает своей глубиной и обширностью познаний автора в отношении философской и теологической ситуации в Германии XVIII — начала XIX в. Можно с уверенностью сказать, что некоторые разделы данной фундаментальной работы не потеряли своей актуальности в России и по сей день и вполне сопоставимы с аналогичными обзорными работами того времени зарубежных авторов. К числу таких разделов можно причислить и рассмотрение основных теологических дискуссий относительно кантовских взглядов на религию во время жизни Канта и непосредственно после его смерти¹⁷. Немало страниц данного труда посвящено и рассмотрению собственно кантовских взглядов.

Кантово «нравственное доказательство» Рождественский рассматривает в контексте анализа кантовской критики других видов доказательств бытия Бога, представленных в «Критике чистого разума». При этом от внимания Рождественского не ускользает то различие в выводах относительно постулирования бытия Бога, которое мы наблюдаем между первой и второй «Критиками», что демонстрирует его хорошее знакомство с обеими этими работами. Однако в целом можно отметить, что отмечаемое Рождественским различие не находит отражения в его общей оценке перспектив развития теологии после кантовской критики доказательств бытия Божия. Ее итог Рождественский оценивает как чисто отрицательный, в чем можно заметить определенную специфическую черту, как раз отечественного восприятия. На нее обращает внимание несколько в ином контексте и сам Рождественский, так как упоминает о наличии в протестантском

Критика чистого разума // Сочинения на рус. и нем. языках / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 2.1. М.: Наука, 2006. С. 813. Примеч.

¹⁷ См.: Рождественский Н. П. Христианская апологетика. СПб., 1884. Т. 1. С. 91–95.

богословии мыслителей, которые усматривали все же и некоторую позитивную пользу критики доказательств бытия Бога в «Критике чистого разума». Но сам Рождественский не склонен идти этим путем. И, как и многие другие, полагает, что в первой «Критике» Кант подрывает основания самой возможности богоизвестия для человека, а значит, и основания теологии как науки.

Но, в отличие от многих других, он обращает внимание на попытку Канта, предпринимаемую в «Критике практического разума», «указать более... твердое и прочное основание для веры, чем какое дает теоретический разум»¹⁸. Таким основанием оказывается нравственное доказательство. При этом важно отметить, что Рождественскому удается совершенно верно понять кантовский ход размышлений, приводящий его к постулированию как бытия Бога, так и бессмертия души. Практический разум стремится к максимально возможной для него реализации высшего добра, определяемого Кантом как сочетание добродетели и блаженства. Развитие добродетельности при этом всецело подвластно человеку и зависит от его собственных усилий, тогда как достижение блаженства выходит за рамки его возможностей. Это и приводит Канта в конечном счете к необходимости постулирования высшего существа, Бога, который и мог бы обеспечить столь желанную для человека гармонию между уровнем добродетели и причитающейся мерой блаженства. В итоге уверенность в существовании Бога основывается на требовании практическим разумом гармонии между нравственным и физическим миром; бессмертие души основывается на неспособности человека достичь нравственного совершенства в земной жизни¹⁹.

Столь глубокое погружение в практическую философию Канта и его учение о высшем благе приводит Рождественского к важному выводу о том, что введение в кантовскую систему «нравственного доказательства» не нарушает принцип автономии воли, а следовательно, не подрывает основание кантовской этики. Интересен при этом аргумент, приводимый Рождественским. Кант не говорит о личном воздаянии для каждого отдельного человека, но лишь о необходимости максимально полной реализации нравственного закона вообще, в универсальном измерении, что и выбивает почву из-под ног обвинителей Канта в эвдемонизме: «Но точно ли Кант, знаменитый критик чистого разума, ригорист, ратовавший в защиту “категорического императива”, безусловного веления долга, в защиту автономии нравственной воли и безкорыстного служения долгу, точно-ли он настолько вышел из своей роли при построении своего нравственного доказательства бытия Божия, что допустил в нем такие грубые мотивы своекорыстия, узкого эвдемонизма и эгоизма и на таких грубых мотивах обосновал все свое доказательство? С этим уже а priori трудно согласиться и такое мнение не может быть оправдано беспристрастным разсмотрением сущности его доказательства <...>. Дело в том, что Кант обосновывает свое доказательство не на идее внешнего возмездия человека за его добродетель, а на более общей идее о необходимости полного реализования нравственного закона»²⁰.

¹⁸ Рождественский Н. П. Христианская апологетика. С. 88.

¹⁹ См.: Там же. С. 88–89.

²⁰ Там же. С. 366.

С другой стороны, мы видим, что Рождественский пытается как бы приуменьшить заслуги Канта в отношении нравственного доказательства, утверждая, что он не является его изобретением, а всего лишь «всеобщим человеческим убеждением»²¹, которое формулировалось в виде теологического аргумента и до Канта²², однако в отношении бессмертия души, а не бытия Бога. Кант же переносит эту логику размышления и на доказательство бытия Бога: «Не излишне заметить, что до Канта нравственное доказательство, в подобной его форме, приводилось обыкновенно в числе доказательств истины бессмертия души и будущего возмездия, но не приводилось специально для доказательства истины бытия Божия. Кант первый применил эту форму нравственного доказательства к аргументации истины бытия Божия и потому, хотя и не совсем в точном смысле, он считается ея изобретателем»²³.

Самым важным его выводом, пожалуй, становится утверждение, что и после кантовской критики вовсе не лишено смысла заниматься другими видами доказательств, а не только нравственным (этикотеологическим). По его мнению, они не будут лишены своей научной состоятельности, ведь «Кант доказал только, что эти доказательства не имеют того значения, какое приписывали им схоластики в средние века и некоторые из философов, живших не за долго до него самого, — доказал т. е. что они не имеют такой степени очевидности, какою отличаются, например, математических доказательства»²⁴.

Сам же нравственный аргумент оценивается им двояко. С одной стороны, Рождественский отмечает, что он выигрывает, в сравнении с предыдущими, в жизненности и силе. С другой стороны, он проигрывает в объективной значимости, так как берется рассматривать только человека с его потребностями, причем потребностями именно нравственными, тогда как иные виды доказательств захватывают более широкую сферу бытия²⁵. В связи с этим Рождественский, как и многие другие, обвиняет кантовскую этикотеологию в односторонности: «Философия Канта способствовала ослаблению влияния на западное богословие одностороннего формализма и догматизма Вольфовой философии. Но Кант вместе с тем способствовал проведению другой односторонности в области западного богословия — односторонности сухого морализма»²⁶. В целом же путь, предлагаемый Кантом как единственно возможный в дальнейшем для богословия, Рождественский склонен отвергать. Свою теологию Кант старался выстраивать с опорой на одно только нравственное доказательство. Рождественский сравнивает это с попытками «ходить на одной ноге»²⁷ и полагает неверным, да и в принципе невозможным.

Интересно также отметить, что Рождественский не только рассматривает основные положения этикотеологии Канта, стремясь дать им оценку в свете его собственной богословской и философской позиции. Он отмечает, что, хотя

²¹ Рождественский Н. П. Христианская апологетика. С. 369.

²² См.: Там же. С. 360.

²³ Там же. С. 361.

²⁴ Там же. С. 323.

²⁵ См.: Там же. С. 369.

²⁶ Там же. С. 94.

²⁷ Там же.

у кантовской философии и были явные сторонники (влияние кантовской философии на развитие богословской мысли в Германии также рассматривается Рождественским в его «Христианской апологетике»), тем не менее в целом кантовская философия встретила скорее неприятие. По мысли Рождественского, это во многом было связано с непримиримостью, с которой Кант критиковал все другие доказательства бытия Бога, кроме собственно нравственного. В итоге Кант попал в весьма невыгодное положение, так как предложенный им вариант не устраивал ни атеистов, ни верующих. Верующие не могли простить Канту того, что он разгромил все остальные доказательства, «за истину которых стояли многие великие философы»²⁸, и его нескромного притязания заменить их всех одним своим нравственным доказательством. Атеисты же были разочарованы тем, что после блестящего, как казалось им, начала в виде критики всех доказательств бытия Бога Кант не просто не отверг самого существования высшей сущности, но еще и настаивал на необходимости и неизбежности нового вида доказательства ее существования, в силу чего «новейший атеизм направил все свои стрелы на Кантовское доказательство, чтобы ослабить и, если возможно, разрушить его твердыню»²⁹. Тем самым Кант, по мнению Рождественского, оказался под прицельной критикой представителей обоих лагерей. Можно отметить, что это объяснение для своего времени было очень дальнovidным и проницательным. И сегодня оно по-прежнему не потеряло своей актуальности.

Рецепция этикотеологии Канта в богословской мысли Ф. А. Голубинского

Не менее важным рассмотрение этикотеологических построений Канта было и для *Федора Александровича Голубинского* (1797–1854), профессора Московской духовной академии. Строго говоря, если бы мы хотели придерживаться хронологического порядка в рассмотрении этих двух избранных нами фигур, то взгляды Голубинского следовало бы представить до взглядов Рождественского. Однако нами был избран иной, скорее содержательный, принцип рассмотрения. Это объясняется отчасти тем, что изучению мысли Канта в целом все же Голубинский уделял меньше внимания, отчасти же сложностью изучения его наследия. К сожалению, он практически не оставил после себя сочинений. Мы располагаем лишь записями его лекций. И, как и в случае практически любых лекционных записей, в отношении этих источников можно поставить целый ряд вопросов относительно их качества и того, насколько они точно передают мысли, высказываемые Голубинским. Однако для рассмотрения интересующего нас вопроса нет необходимости пускаться в дебри столь глубокого текстологического анализа, так как даже на основе этих лекций легко заметить, что Голубинский хорошо знал и понимал кантовскую философию.

При этом можно отметить близость выводов Голубинского тому, что отмечал впоследствии в своей «Христианской апологетике» Рождественский. От-

²⁸ Рождественский Н. П. Христианская апологетика. С. 364.

²⁹ Там же.

метим наиболее значимые из этих параллелей. Так же, как и Рождественский, Голубинский подчеркивал, что неверно обвинять Канта в нарушении принципа автономии определения воли и привнесении мотива своекорыстия в его этические построения: «Несправедливо было бы обвинять Канта в том, что он, при раскрытии этико-теологического довода, учит своекорыстию, внушает людям искать награды. Он сам во многих местах своих сочинений ясно учит, что необходимо исполнять долг для долга, иметь уважение к закону для самого закона»³⁰. Сходным при этом был и основной аргумент, при помощи которого Голубинский пытался Канта от такого рода обвинений «защитить». По его мнению, решающую роль здесь играет то, что Кант не говорит во второй «Критике» непосредственно о блаженстве каждого отдельного человека, а опосредует реализацию этого естественного для человека чаяния идеей высшего добра: «Так, Кант не внушал, чтобы человек при своих нравственных поступках всегда имел в виду воздаяние награды, руководился тою мыслию, что некогда Бог с добродетелию соединит счастье, заслуженное человеком; но раскрывал ту всеобщую истину, что в царстве нравственном необходимо должно быть мздовоздаяние <...>. Таким образом, по учению Канта, потребность высочайшего блага не унижается своекорыстием; он берет в разчет не мздовоздаяние лично мне, но общее всем, достойное всех вообще истинно добродетельных людей»³¹.

Еще одним важным выводом Голубинского является в целом положительная оценка «этико-теологического довода» Канта с одновременным подчеркиванием его частного характера. Последнее имело принципиальное значение для Голубинского. По его мнению, этот вид доказательства является только лишь частным, одним из возможных, и именно так он и должен восприниматься, но ни в коем случае не как единственную возможную или даже как просто основную. Если же этот вид доказательства начинает так восприниматься, то такой подход уже нельзя считать верным и с ним нельзя мириться. Соответственно, основным пунктом критики по-прежнему оказывается односторонность кантовского подхода: он затрагивает только две, хоть и существенные, потребности человека — потребность чистейшей нравственности и соразмерного с ней счастья, — тогда как истинное определение высочайшего блага должно удовлетворять всем потребностям человека, т. е. должно включать в себя и потребность в познании истины или, словами Голубинского, потребность «истинного просвещения», «умудрения ума»³².

Во всем рассмотренном выше мы видим явные параллели с выводами Рождественского. Но можно отметить и явное отличие. В целом Голубинский оценивал кантовскую этикотеологию более критично, чем Рождественский. Он не просто был категорически не согласен с основным для Канта выводом о том, что религия производна от нравственности и что нравственность должна служить основанием для богопознания³³. В этом он как раз не был оригинален. Но он не признавал за Кантом существенных заслуг в области богопознания. Радикали-

³⁰ Голубинский Ф. А. Лекции философии. М., 1884. Вып. 4. С. 71.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ См.: Там же. С. 12.

зируя вывод о том, что Кант своей критикой уничтожил основание возможности богоопознания как науки, он неутешительно констатирует: «Кант все разрушил, и ничего не создал, не построил»³⁴.

Сравнение восприятия Рождественским и Голубинским кантовской этикотеологии в контексте отечественной критики Канта

Подводя итог представленному обзору, хотелось бы выделить три общие черты рецепции кантовских этикотеологических взглядов у Голубинского и Рождественского. Во-первых, оба они однозначно не соглашались с самой основой кантовских этикотеологических построений — выведением религии из нравственности, а не наоборот. С этим принципиальным расхождением связана и другая, вторая особенность — обвинения Канта в односторонности его построений, выделении одной лишь только сферы нравственности и игнорировании остальных, не менее важных для человека сфер бытия. Под последним, прежде всего, понималось природное человеческое стремление к познанию истины, причем истины как таковой, безусловной и всеобщей. В-третьих, бросаются в глаза целенаправленные попытки как Голубинского, так и Рождественского опровергнуть обвинения Канта в том, что он своим «нравственным аргументом» нарушает основной принцип своей же собственной моральной философии, т. е. принцип автономии воли. Причем в этом аспекте мы видим не только сходство самого желания (и, судя по всему, отчетливое осознание потребности) обосновать, почему такого рода обвинения некорректны, но также и сходство аргументации и формы ее представления. Для обоих мыслителей центральным оказывается то, что Кант не говорит в данном случае о личном «мэдовоздоянии» и стремлении к оному, но лишь о необходимости как можно более полной реализации идеала высшего добра.

Оценивая эти явные линии сходства между Рождественским и Голубинским, можно отметить, что первые две не могут нас удивлять. Отрицание правильности пути обоснования религии из нравственности (а уж тем более признание этого пути в качестве единственного возможного) было повсеместным. Даже мыслитель, действительно во многом симпатизировавший идеям моральной религии Канта (в том числе и варианту «Религии в границах одного только разума»), Л. Н. Толстой, как раз с этим кантовским утверждением не соглашался³⁵. Указания на кан-

³⁴ Голубинский Ф. А. Лекции философии. М., 1884. Вып. 1. С. 65. В то же время важно отметить, что столь резкая оценка кантовской этикотеологии и вытекающих из нее выводов вовсе не означает, что Голубинский недооценивал философский гений Канта и его достижения в других сферах философского познания. Голубинский называл Канта «глубокомысленным философом», который «со строгою точностию определил то, что не могли представить себе ясно его предшественники» (Голубинский Ф. А. Лекции философии. М., 1884. Вып. 3. С. 3). Однако это в большей степени относилось к его теоретической философии и, прежде всего, к его учению о чувственности и рассудке из первой «Критики», с которыми Голубинский даже отчасти соглашался (см.: Рожин Д. О. Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф. А. Голубинского // Кантовский сборник. 2021. Т. 40. № 1. С. 109–118).

³⁵ См.: Толстой Л. Н. Религия и нравственность // Сочинения графа Л. Н. Толстого. М., 1895. Т. 14. С. 201–202.

товскую односторонность, в которой усматривали причину его заблуждений (прежде всего, в сфере практической философии), были хоть и не столь повсеместны, однако также достаточно распространены в среде отечественных богословов и философов. В более одиозных выражениях или же в более академических, но на это указывали помимо Голубинского и Рождественского и многие другие, начиная с самых ранних этапов рецепции кантовской мысли в России, например И. М. Скворцов³⁶, С. С. Гогоцкий³⁷, В. Ф. Эрн³⁸, Н. И. Надеждин³⁹ и др.

А вот третья общая черта более интересна и, как кажется, заслуживает более пристального внимания. Прежде всего следует отметить, что Голубинский и Рождественский совершенно точно уловили один из и по сей день наиболее проблемных аспектов кантовской практической философии. И сегодня в исследовательских кругах не утихают дискуссии о том, насколько постулаты практического разума (причем именно постулат бытия Бога и бессмертия души, а не постулат свободы) необходимы для кантовской этической системы и насколько они не нарушают ее стройность и чистоту. Сторонники позиции, что постулаты бытия Бога и бессмертия души являются самим Кантом не до конца продуманным и вовсе не необходимым элементом, встречались еще при жизни философа. И сегодня можно назвать некоторых исследователей, придерживающихся такой позиции в ряде своих работ, как в России, так и за рубежом⁴⁰. В то же время в опровержение такого подхода можно указать на тот неоспоримый факт, что о постуатах бытия Бога и бессмертия души Кант говорит во всех своих печатных работах критического периода, начиная с первой «Критики», а также и в своих лекционных записях. И хотя ход аргументации необходимости признания этих положений истинными в разных работах несколько разнится, сама основная интенция такого постулирования и его цель всегда остаются неизменными⁴¹. Это делает трудно вообразимым, что сам Кант допускал возможность своей системы (по крайней мере в ее полноте) без этих положений. При этом, однако, Кант

³⁶ См.: Скворцов И. М. Критическое обозрение кантовой религии в пределах одного разума // Компаративистское исследование в истории философии / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград, 2003. С. 162.

³⁷ См.: Гогоцкий С. С. Критический взгляд на философию Канта. К., 1847. С. 67.

³⁸ См.: Эрн В. Ф. Критика кантовского понятия истины // Кант: pro et contra / под ред. В. А. Жучкова. СПб., 2005. С. 734.

³⁹ См.: Надеждин Н. И. Современное направление просвещения // Сочинения: в 2 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 734.

⁴⁰ См.: Düsing KI. Das Problem des höchsten Gutes in Kants praktischen Philosophie // Kant-Studien. 1971. Bd. 62 (1). S. 5–42; Dörflinger B. Führt Moral unausbleiblich zur Religion? Überlegungen zu einer These Kants // Kants Metaphysik und Religionsphilosophie / Hrsg. von N. Fischer. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2004. S. 207–223; Dörflinger B. Kants Ethikothologie und die Pflicht zur Beförderung des höchsten Guts // Kant und die biblische Offenbarungsreligion / Hrsg. von N. Fischer, J. Sirovátká, D. Vopřada. Prague: Karolinum, 2013. S. 59–72; Судаков А. К. Абсолютная нравственность: этика автономии и безусловный закон. М., 1998; Судаков А. К. Старый, давно необитаемый флигель: «Критика практического разума» как порождение архитектурного классицизма // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2022. № 26 (3). С. 623–643.

⁴¹ См.: Крыштоп Л. Э. Учение о постуатах в философии И. Канта. М., 2016. С. 79–124, 179–224.

многократно подчеркивал, что введение в его систему постулатов бытия Бога и бессмертия души никоим образом не нарушает автономию воли в ее определении к моральному поступку. На фоне этого обвинение Канта в том, что он якобы в своей этике пытается утвердить мотив получения награды за нравственное поведение, представляется по меньшей мере весьма странным, на что совершенно верно и указывают как Голубинский, так и Рождественский.

Тем не менее, несмотря на всю удивительность такого рода обвинений, следует признать, что они были весьма распространены и восходят к более общему обвинению Канта в «эгоизме». Пожалуй, первой работой, выдвигающей эти обвинения в адрес Канта, была диссертация З. Савицкого, защита которой состоялась в 1825 г. в Харьковском университете: «Но вместе с сим без огорчения нельзя не заметить здесь, что сия самая возвышенность, сия неограниченная самостоятельность (*avtonomia*) увлекла Канта к тончайшему эгоизму, — к невероятной дерзости: посредством одного только умозаключения постановить Виновника вселенной (или, лучше сказать, предполагать только бытие Еgo). Сие страшное требование награды в будущей жизни, требование бытия Божия, а не чистая и живая вера в оное, носят на себе отпечаток какого-то ужаса, который приводит в невольное содрогание»⁴². Несложно заметить, что понятие «эгоизм» употребляется здесь весьма причудливо и не до конца определено. Собственно рассмотрению кантовской философии в данной диссертации посвящено всего несколько страниц⁴³, обращение к которым не помогает понять, что именно понимает здесь Савицкий под эгоизмом. Приведенный выше фрагмент это рассмотрение как раз завершает, после чего Савицкий переходит уже к характеристике философии Фихте, которому посвящается и вовсе только два абзаца⁴⁴. При этом Фихте вменяется в вину то, что он продолжает развивать кантовские положения и доводит свойственный Канту формализм до предела, в результате чего принимает «самостоятельность свободы... за единственное начало для нравственного поведения человека»⁴⁵. Это, впрочем, тоже не многим может нам помочь сегодня в прояснении того, почему это называется Савицким эгоизмом.

Понять это вряд ли возможно без обращения к более широкому контексту употребления данного слова. История его развития, даже в отрыве от отечественного контекста рецепции моральной философии Канта, весьма примечательна. Сегодня мы понимаем эгоизм в прагматическом ключе как заботу прежде всего о себе самом. В толковом словаре русского языка мы читаем следующее определение, отражающее именно это значение: «Эгоизм — себялюбие, предпочтение своих, личных интересов интересам других, пренебрежение к интересам общества и окружающих»⁴⁶. Остальные значения этого понятия, определяющие в XVIII в. разные его виды, сегодня в русском языке, как и в других европейских, полностью забыты. Тем не менее стоит отметить, что первоначально это поня-

⁴² Савицкий З. Изложение главнейших систем нравственности древних и новейших философов. Харьков, 1825. С. 56–57.

⁴³ См.: Там же. С. 54–57.

⁴⁴ См.: Там же. С. 57–58.

⁴⁵ Там же. С. 57.

⁴⁶ Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 1993. С. 939.

тие употреблялось совсем в ином значении, а именно, как признание реальным существования только своего собственного сознания⁴⁷. Этот вид эгоизма немецкий историк философии Н. Хинске называет «метафизическим» и отмечает, что несмотря на латинский корень, наводящий нас на мысли о древности данного понятия, в философский оборот оно вошло сравнительно поздно, судя по всему, благодаря Хр. Вольфу⁴⁸. В «Немецкой метафизике» Вольф, характеризуя «в высшей степени странную sectу эгоистов», «которые недавно появились в Париже», определяет их как тех философов, которые «относительно всех вещей отрицали, что они есть, и однако признавали “Я есмь”»⁴⁹. Судя по всему, именно благодаря популярности философии Вольфа и его школы это понятие и распространилось как в других странах Европы, так и в академической среде в России.

В то же время именно вольфянцам мы обязаны и другими значениями понятия «эгоизм». Вольфянец Г. Ф. Майер в своем компендиуме по логике, хорошо известном Канту, вводит понятие «логический эгоизм» (*egoismus logicus, die logische Egoisterey*), характеризуя его как такой подход, когда «кто-либо считает нечто логически совершенным, поскольку он сам является его создателем»⁵⁰. А несколько ранее другой вольфянец А. Г. Баумгартен в своем компендиуме по этике 1740 г. вводит понятие «моральный эгоизм», определяя его как преувеличение собственной пользы и выгоды⁵¹. Интересно отметить, что у того же Баумгартена в его компендиуме по метафизике 1739 г. встречается употребление понятия эгоизма только в его метафизическом значении⁵². В исконном метафизическом значении понятие эгоизма употребляется и другим вольфянцем Ф. Хр. Баумейстером⁵³. Это позволяет сделать вывод, что 1740–1750-е гг. стали переломным моментом в истории понятия «эгоизм», поскольку в этот период мы наблюдаем расширение его изначального значения на новые сферы — логику и моральную философию. При этом долгое время оно продолжает сосуществовать со своим первоначальным, метафизическими значением. Все эти виды в дальнейшем мы находим у Канта. Подробно Кант рассматривает проблему эгоизма в лекциях по антропологии, где перечисляет три вида эгоизма — логический, эстетический и практический (моральный)⁵⁴. Однако в черновых заметках мы находим несколько расширенную классификацию, где к обозначенным выше видам при-

⁴⁷ См.: Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: Этюды о корпусе логических работ Канта. М., 2007. С. 35–36.

⁴⁸ См.: Там же. С. 107.

⁴⁹ Wolff Chr. Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt. Halle, 1722². § 2. S. 2; Ср.: Вольф Хр. Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще // Христиан Вольф и философия в России / под ред. В. А. Жукова. СПб., 2001. С. 238.

⁵⁰ Meier G. F. Auszug aus der Vernunftlehre. Halle, 1752. § 170. S. 46.

⁵¹ См.: Baumgarten A. G. Ethica philosophica. Halle, 1740. § 300. S. 160.

⁵² См.: Baumgarten A. G. Metaphysica. Halle, 1739. § 392. S. 81; § 438. S. 95.

⁵³ См.: Baumeister F. Chr. Philosophia definitiva hoc est definitiones philosophicae ex systemate Lib. Bar. a Wolf in unum collectae succinctis observationibus exemplisque perspicuis illustratae et a nonnullis exceptionibus vindicatae accesserunt praecipua philosophiae recentioris theorematum et indicies locupletissimi. Wittenberg, 1735. § 875. P. 160.

⁵⁴ См.: Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht // Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Berlin: Georg Reimer, 1917. Bd. VII. S. 128–130;

бавляется еще метафизический эгоизм⁵⁵. О метафизическом эгоизме говорится также и в незавершенной работе “Opus postumum”, где он называется трансцендентальным эгоизмом⁵⁶.

Нас в контексте нашего рассмотрения в большей степени интересует моральный эгоизм. В «Антропологии» Кант дает следующее определение: «Моральный эгоист тот, кто ограничивает все цели самим собой, видит пользу только в том, что полезно ему, и полагает в качестве эвдемониста высшее определяющее основание своей воли в пользе для себя и в своем счастье, а не в представлении о долгे»⁵⁷. Его определение Кантом рассматривалось и ранее. Мы встречаем рассмотрение морального эгоизма в записях лекций по моральной философии, датируемых еще докритическим периодом⁵⁸. В то же время стоит отметить, что к этому моменту это понятие уже прочно обосновалось в философии. В 1757 г. неким И. Г. В. Гессе (1736–1775), будущим теологом, даже защищается диссертация «О моральном эгоизме»⁵⁹. А практически за два десятилетия до этого, в 1739 г., в Тюбингене произносится речь, посвященная моральному эгоизму⁶⁰. Также мы видим упоминания морального эгоизма в компендиумах середины XVIII в. по естественному праву, вышедших из-под пера уже гораздо более именитых и известных ученых того времени. В частности, о моральном эгоизме идет речь в труде по естественному праву ученика Вольфа и рьяного вольфянца И. Г. Дарьеса (1714–1791)⁶¹. Ради интереса можно отметить, что в некоторых случаях в трактатах по естественному праву понятие «моральный

Кант И. Антропология с pragматической точки зрения // Собрание сочинений: в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 7. С. 143–146.

⁵⁵ См.: Kant I. Refl. 1482 // Kant I. Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. XV. Hl. 2. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1923. S. 662. Ту же классификацию видов эгоизма мы находим затем в трактате по эмпирической психологии И. Г. К. Кизеветтера, изданном в 1806 г., где речь идет о теоретическом (логическом), эстетическом, практическом и метафизическом (трансцендентальном) эгоизме (см.: Kiesewetter J. G. K. Fassliche Darstellung der Erfahrungsseelenlehre zur Selbstbelehrung für Nichtstudierende. Hamburg: August Campe, 1806. S. 186–187).

⁵⁶ См.: Kant I. Opus Postumum // Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. XXI. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1936. S. 53.

⁵⁷ Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. S. 130; Кант И. Антропология с pragматической точки зрения. С. 145.

⁵⁸ См.: Kant I. Praktische Philosophie Herder // Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. XXVII. Hl. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 1974. S. 53; Kant I. Moralphilosophie Collins // Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. XXVII. Hl. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 1974. S. 359–360. См.: Кант И. Лекции по этике / пер. А. К. Судакова, В. В. Крыловой. М., 2000. С. 134–136.

⁵⁹ См.: Hesse J. G. W. Dissertatio philosophica de egoismo morali. Halle, 1757.

⁶⁰ См.: Oratio de egoismo morali quam coram reverendissimo academiae Tubingensis cancellario cum eidem veginti septem magisterii philosophici candidatos praesentaret ipso Matthei Festo. A. MDCCXXXIX in senaculo universitatis publice recitavit facultatis philosophicae decanus Daniel Maichel. Tübingen, 1739.

⁶¹ См.: Darjes J. G. Observationes iuris naturalis socialis et gentium ad ordinem systematis sui selectae. Vol. 2. Jena, 1754. § 41. P. 161.

эгоизм» употребляется синонимично с понятием «моральный солипсизм»⁶², что, как кажется, немногого приоткрывает завесу весьма на первый взгляд причудливой замены понятия «метафизический эгоизм» на понятие «солипсизм», употребляемое нами сегодня. По всей видимости, эта трансформация вовсе не является столь уж поздней, и ее истоки стоит искать все в той же середине XVIII в.

Возвращаясь к нашему отечественному контексту и диссертации Савицкого, можно заключить, что в обвинении, в ней представленном, воедино сливаются два смысловых пласта понятия «эгоизм», рассматриваемые автором в столь тесной связи, что по сути даже не различаемые. С одной стороны, это теоретический аспект, выведение бытия Бога на основе одного только собственного умозаключения, в результате чего Я (эго) оказывается отправной точкой для религии и нравственности. Именно эта линия находит отражение и в последующей критике Савицким философии Фихте (что, конечно, гораздо более оправданно, нежели обвинения в эгоизме трансцендентального идеализма Канта). Этот вид эгоизма мы могли бы назвать теоретическим (трансцендентальным). С другой стороны, от этого вида эгоизма непроясненным образом Савицкий сразу же переходит к обвинениям Канта в эгоизме уже моральном («сие страшное требование награды в будущей жизни»). Обращаясь к философии Канта, этот ход мысли Савицкого можно реконструировать. Умозаключение собственного разума, которое приводит к признанию существования Бога, основывается, в восприятии Савицкого, как раз на этом требовании будущей награды. Однако очевидно, что сам автор эти два разных значения эгоизма четко не разводит. Кроме того, удивительно, что само понимание морального эгоизма Савицкого соответствует пониманию этого вида эгоизма и Кантом (особенно при сравнении с определением «Антропологии»), хотя обвинения Канта в этом виде эгоизма, безусловно, крайне далеки от того, чтобы их можно было считать обоснованными.

В то же время, несмотря на всю их абсурдность, обвинения эти были подхвачены и стали достаточно распространены в среде отечественных мыслителей. Наиболее популярны они были, однако, в среде выпускников и преподавателей Киевской духовной академии. Воспитанник Киевской духовной академии и профессор Санкт-Петербургской духовной академии В. Н. Карпов (1798–1867) утверждал, что «систему Канта прилично называть *системой нравственного эгоизма*»⁶³. Сходные обвинения высказывались и его наставником, профессором Киевской духовной академии И. М. Скворцовым (1795–1863): «Но нравоучение не для себя, говорит Кант, имеет нужду в Боге, а для нашего счастья. Такое понятие о Боге недостойно Бога; такое нравоучение, не имеющее нужды в Боге, есть эгоистическое и просто ложное»⁶⁴. Подобного же мнения о кантовской практической философии придерживался и С. С. Гогоцкий, выпускник Киевской ду-

⁶² См.: Gunner J. E. Volständige Erläuterungen und Anmerkungen über da Natur- und Völkerrecht des Herrn Hofrath Darjes. St. 5. Frankfurt; Leipzig, 1750. S. 10; Pestel F. W. Fundamenta juris prudentiae naturali: delineata in usum auditorium. § 132. P. 62. Lyon, 1772.

⁶³ Карпов В. Н. Философский рационализм новейшего времени // Сочинения: в 3 т. Мелитополь, 2013. Т. 1. С. 238. Ср.: Там же. С. 141, 188–189 и др.

⁶⁴ Скворцов И. М. Критическое обозрение кантовой религии в пределах одного разума // Компаративистское исследование в истории философии / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград, 2003. С. 129.

ховной академии, также обучавшийся у Скворцова: «Следствия практического учения Кантона, во многих отношениях высокого и важного, суть эгоизм и повод к самоуправству»⁶⁵. Такого рода обвинения, безусловно, были хорошо известны и за пределами Киева⁶⁶. А вот попытки опровергнуть эти голословные заявления были крайне редки и, по всей видимости, кроме как Голубинским и Рождественским, никем больше не предпринимались⁶⁷.

Заключение

Подводя итоги представленному рассмотрению, можно отметить, что в рецепции этикотеологических идей Рождественским и Голубинским достаточно много общих черт. В первую очередь к ним следует отнести попытки оправдать Канта перед лицом обвинений в эвдемонизме и моральном эгоизме, которые якобы являются основанием его этикотеологических построений и сами же нарушают им предлагаемый принцип автономии воли в качестве основы подлинной нравственности. Кроме того, у обоих мыслителей мы находим позитивную оценку постулата бытия Бога, который рассматривается как один из возможных путей уверения себя в существовании высшей сущности. Однако не менее отчетливо проявляются и критические аспекты восприятия кантовской мысли. В конечном счете и Рождественский, и Голубинский считали кантовские построения односторонними и недостаточными. Этикотеологию Канта, при всей ее в целом позитивной оценке, эти мыслители готовы были признать лишь как один из возможных путей теологического познания, но далеко не основной и уж тем более не единственно возможный. В итоге мы видим, что оценки Рождественским и Голубинским построений Канта, безусловно, выбираются из общего хора, являясь на порядок более положительными. Но удивительным образом, к отмечаемым ими сильным сторонам кантовской этикотеологии примешиваются явственные нотки критики, в которых в полной мере проявляются основные черты характерного в целом для отечественных мыслителей отношения к кантовской практической философии.

⁶⁵ Гогоцкий С. С. Критический взгляд на философию Канта. Киев, 1847. С. 66.

⁶⁶ Справедливости ради следует отметить, что обвинения Канта в нравственном эгоизме не являются изобретением представителей Киевской духовной академии или в целом отечественного богословия. Их можно встретить и у зарубежных философов и теологов, в том числе и приближенных к Канту. Ярким примером этого является Гердер (см.: Круглов А. Н. Философия Канта в России. С. 432–434).

⁶⁷ Вполне возможно, что более глубокое и близкое к самому Канту понимание его этической системы Голубинский воспринял от одного из своих учителей — И. А. Фесслера. Поначалу ярый кантинец, он восхищался строгостью и беспристрастностью этики Канта, воспринимая ее подчеркнуто ригористично, как призыв подавления любого себялюбия (см.: Fessler I. A. Rückblicke auf seine siebzigjährige Pilgerschaft. Ein Nachlass an seine Freunde und an seine Feinde. Leipzig: Carl Geibel, 1851². S. 159–160). Впоследствии Фесслер разочаровывается в кантовской критической философии и начинает считать ее полной противоречий и смешений понятий рассудка и разума, приводящих к заблуждениям. Однако его критика в основном была связана с увеличением влияния абсолютного идеализма и затрагивала кантовские взгляды на понятия абсолютного бытия и Бога. Разочарования в кантовском учении о моральном законе и строгости его повелений Фесслер не проявлял.

Список литературы

- Ахутин А. В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51–69.
- Вольф Хр. Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще // Христиан Вольф и философия в России / под ред. В. А. Жучкова. СПб.: РХГИ, 2001. С. 229–358.
- Гогоцкий С. С. Критический взгляд на философию Канта. Киев, 1847.
- Голубинский Ф. А. Лекции философии. М., 1884. Вып. 1, 3, 4.
- Длугач Т. Б. Проблема времени в философии И. Канта и П. Флоренского // Кант и философия в России / под ред. З. А. Каменского, В. А. Жучкова. М.: Наука, 1994. С. 186–211.
- Домусчи С. Нравственное богословие // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: РИПОЛ-Классик, 2010. Т. 52: Ной — Онуфрий. С. 131–137.
- Кант И. Антропология с pragматической точки зрения // Собрание сочинений: в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. Т. 7. С. 137–376.
- Кант И. Критика чистого разума // Сочинения на рус. и нем. языках / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М.: Наука, 2006. Т. 2.1.
- Кант И. Лекции по этике / пер. А. К. Судакова, В. В. Крыловой. М.: Республика, 2000.
- Карпов В. Н. Философский рационализм новейшего времени // Сочинения: в 3 т. Мелитополь: Изд-во Мелитопольской городской типографии, 2013. Т. 1.
- Круглов А. Н. Раннее кантианство в России: И. В. Л. Мельман и И. Г. Буле // Кантовский сборник. 2010. № 2 (32). С. 39–51.
- Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX века. М.: Канон+, 2009.
- Круглов А. Н. Философская высылка как русская традиция: «дело» И. В. Л. Мельмана // Х Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации: Материалы международной конференции: в 2 ч. / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. Ч. 2. С. 60–70.
- Крыштоп Л. Э. Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта. М.: Канон-Плюс, 2020.
- Крыштоп Л. Э. Учение о постулатах в философии И. Канта. М.: Изд-во РУДН, 2016.
- Лубкин А. С. Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твердое основание независимо от религии // Кант: pro et contra. Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции: Антология / под ред. В. А. Жучкова. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. С. 11–18.
- Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада: В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. М.: Республика, Культурная Россия, 2007.
- Надеждин Н. И. Современное направление просвещения // Сочинения: в 2 т. СПб.: РХГИ, 2000. Т. 1–2.
- Нижников С. А. Творчество И. Канта в диалоге культур России и Запада. М.: РОССПЭН, 2015.
- Никанор, архиепископ (Бровкович А. И.). Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб., 1888. Т. 3.
- Рождественский Н. П. Христианская апологетика. СПб., 1884. Т. 1.
- Рожин Д. О. Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф. А. Голубинского // Кантовский сборник. 2021. Т. 40. № 1. С. 97–123.
- Савицкий З. Изложение главнейших систем нравственности древних и новейших философов. Харьков, 1825.

- Скворцов И. М. Критическое обозрение кантовой религии в пределах одного разума // Компаративистское исследование в истории философии / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград, 2003. С. 119–166.
- Судаков А. К. Абсолютная нравственность: этика автономии и безусловный закон. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
- Судаков А. К. Старый, давно необитаемый флигель: «Критика практического разума» как порождение архитектурного классицизма // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2022. № 26 (3). С. 623–643.
- Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М.: Азъ, 1993.
- Толстой Л. Н. Религия и нравственность // Сочинения графа Л. Н. Толстого. М., 1895. Т. 14. С. 201–202.
- Флоренский П. А. Из лекций по истории философии Нового времени // Философские науки. 2007. № 1. С. 20–44.
- Флоренский П. А. Философия культа (Опыт православной антроподицей) // Собрание сочинений. М.: Мысль, 2004.
- Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: Этюды о корпусе логических работ Канта. М.: Культурная революция, 2007.
- Эрн В. Ф. Критика кантовского понятия истины // Кант: pro et contra / под ред. В. А. Жучкова. СПб., 2005. С. 728–739.
- Baumeister F. Chr. Philosophia definitiva hoc est definitiones philosophicae ex systemate Lib. Bar. a Wolf in unum collectae succinctis observationibus exemplisque perspicuis illustratae et a nonnullis exceptionibus vindicatae accesserunt praecipua philosophiae recentioris theorematum et indices locupletissimi. Wittenberg, 1735.
- Baumgarten A. G. Ethica philosophica. Halle: Hemmerde, 1740.
- Baumgarten A. G. Metaphysica. Halle: Hemmerde, 1739.
- Darjes J. G. Observationes iuris naturalis socialis et gentium ad ordinem systematis sui selectae. Vol. 2. Jena: T. W. E. Güth, 1754.
- Dörflinger B. Führt Moral unausbleiblich zur Religion? Überlegungen zu einer These Kants // Kants Metaphysik und Religionsphilosophie / Hrsg. von N. Fischer. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2004. S. 207–223.
- Dörflinger B. Kants Ethikotheologie und die Pflicht zur Beförderung des höchsten Guts // Kant und die biblische Offenbarungsreligion / Hrsg. von N. Fischer, J. Sirovátká, D. Vopřada. Prague: Karolinum, 2013. S. 59–72.
- Düsing Kl. Das Problem des höchsten Gutes in Kants praktischen Philsophie // Kant-Studien, 1971. Bd. 62 (1). S. 5–42.
- Fessler I. A. Rückblicke auf seine siebzigjährige Pilgerschaft. Ein Nachlass an seine Freunde und an seine Feinde. Leipzig: Carl Geibel, 1851².
- Gunner J. E. Volständige Erläuterungen und Anmerkungen über da Natur- und Völkerrecht des Herrn Hofrath Darjes. St. 5. Frankfurt; Leipzig, 1750.
- Hesse J. G. W. Dissertatio philosophica de egoismo morali. Halle: Hendel, 1757.
- Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht // Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Berlin: Georg Reimer, 1917. Bd. VII. S. 117–333.
- Kant I. Kritik der reinen Vernunft // Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. III. Berlin: Georg Reimer, 1911.
- Kant I. Moralphilosophie Collins//Gesammelte Schriften/Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. XXVII. Hl. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 1974. S. 241–473.

- Kant I. Opus Postumum // Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. XXI. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1936.
- Kant I. Praktische Philosophie Herder // Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. XXVII. Hl. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 1974. S. 1–89.
- Kant I. Refl. 1482 // Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. XV. Hl. 2. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1923. S. 657–690.
- Kiesewetter J. G. K. Fassliche Darstellung der Erfahrungsseelenlehre zur Selbstbelehrung für Nichtstudierende. Hamburg: August Campe, 1806.
- Maichel D. Oratio de egoismo morali quam coram reverendissimo academiae Tbingensis cancellario cum eidem veginti septem magisterii philosophici candidatos praesentaret ipso Matthaei Festo. A. MDCCXXXIX in senaculo universitatis publice recitavit facultatis philosophicae decanus Daniel Maichel. Tübingen: A. H. Roebelii, 1739.
- Meier G. F. Auszug aus der Vernunftlehre. Halle: J. J. Gebauer, 1752.
- Pestel F. W. Fundamenta jurisprudentiae naturali: delineata in usum auditorium. Lyon: S. et J. Wolff Chr. Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt. Halle: Rengerische Buchhandlung, 1722².

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.
Seriia I: Bogoslovie. Filosofia. Religiovedenie.
2024. Vol. 115. P. 65–85
DOI: 10.15382/sturI2024115.65-85

Lyudmila Kryshktop,
Doctor of Sciences in Philosophy,
Professor at the Department of History of Philosophy,
Faculty of Humanities and Social Science,
RUDN University
(Peoples' Friendship University of Russia)
Moscow, Russia
kryshktop-le@rudn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1012-5953>

KANT'S ETHICOTHEOLOGY IN THE PERCEPTION OF N. P. ROZHDESTVENSKY AND F. A. GOLUBINSKY IN THE CONTEXT OF RECEPTION OF KANT'S PRACTICAL PHILOSOPHY IN THE LATE 18TH — MID-19TH CENTURY IN RUSSIA

L. KRYSHTOP

Abstract: The article studies the reception of Kant's ethical theology by F. A. Golubinsky and N. P. Rozhdestvensky. Both theologians regarded it as one of the possible types of theology. At the same time, both Russian theologians criticised Kant for being one-sided, believing that this view is far from being the only one. In addition, both theologians persistently refuted accusations of moral egoism against Kant, insisting that the introduction of the postulate of the existence of God into Kant's ethics does not

* This publication has been supported by the grant project of the Russian Science Foundation (RSF) № 24-28-01183, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01183/>.

introduce eudemonistic elements and does not violate the autonomy of the will, since it is not about achieving personal happiness, but about the fullest possible realisation of the highest good. The article shows that the tradition of accusing Kant of moral egoism dates back to the very first stages of the reception of Kantian moral philosophy in Russia. These accusations were found not only in Russia, but it was in Russia that they were particularly widespread. By contrast, attempts to refute these accusations are extremely rare. Apparently, apart from Golubinsky and Rozhdestvensky, no one has undertaken them. In general, it is concluded that both theologians are an example of a positive reception of Kantian ethico-theological thought that is rare in Russia.

Keywords: Kant, ethico-theology, Golubinsky, Rozhdestvensky, moral argument, postulate, existence of God, moral egoism, one-sidedness.

References

- Akhutin A. (1990) "Sofia i chert (Kant pered litsom russkoi religioznoi metafiziki)" [Sophia and the devil (Kant faced by Russian religious metaphysics)]. *Voprosy filosofii*, vol. 1, pp. 51–69 (in Russian).
- Dlugach T. (1994) "Problema vremeni v filosofii I. Kanta i P. Florenskogo" [The problem of time in philosophy of I. Kant and P. Florensky], in: Z. A. Kamensky, V. A. Zhuchkov (eds) *Kant i filosofija v Rossii* [Kant and philosophy in Russia], Moscow, pp. 186–211 (in Russian).
- Domuschi S. (2010) "Nravstvennoe bogosloviye" [Moral theology], in *Pravoslavnaya entsiklopedia* [Orthodox encyclopaedia], vol. 52, Moscow, pp. 131–137 (in Russian).
- Dörflinger B. (2004) "Führt Moral unausbleiblich zur Religion? Überlegungen zu einer These Kants", in N. Fischer (ed.) *Kants Metaphysik und Religionsphilosophie*, Hamburg, pp. 207–223.
- Dörflinger B. (2013) "Kants Ethikothologie und die Pflicht zur Beförderung des höchsten Guts", in N. Fischer, J. Sirovátká, D. Vopřada (eds) *Kant und die biblische Offenbarungsreligion*, Prague, pp. 59–72.
- Düsing Kl. (1971) "Das Problem des höchsten Gutes in Kants praktischen Philosophie". *Kant-Studien*, vol. 62 (1), pp. 5–42.
- Ern V. (2005) "Kritika kantovskogo poniatiia istiny" [Criticism of Kant's concept of truth], in V. A. Zhuchkov (ed.) *Kant: pro et contra*, St. Petersburg, pp. 728–739 (in Russian).
- Florenskiy P. (2004) *Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoy antropoditsei)* [Readings about the cult (Cult and philosophy)]. Moscow (in Russian).
- Florenskiy P. (2007) "Iz lektsiy po istorii filosofii Novogo vremeni" [From lectures on the history of philosophy of the Modern Age]. *Filosofskie nauki*, vol. 1, pp. 20–44 (in Russian).
- Hinske N. (2007) *Zwischen Aufklärung und Vernunftskritik. Studien zum Kantschen Logikcorpus*. Moscow (Russian translation).
- Karpov V. (2013) *Filosofskii ratsionalizm noveishego vremeni* [Philosophical rationalism of Modern Time]. Melitopol (in Russian).
- Krouglov A. (2009) *Filosofia Kanta v Rossii v kontse XVIII — pervoi polovine XIX vekov* [Kant's philosophy in Russia at the end of the 18th — the first half of the 19th centuries]. Moscow (in Russian).
- Krouglov A. (2010) "Filosofskaja vysylka kak russkaya traditsiya: «delo» I. V. L. Mel'mana" [Philosophical expulsion as a Russian tradition: the "case" of I. V. L. Melman], in V. N. Bryushkin (ed.) *X Kantovskie chteniiia. Klassicheskii razum i vyzovy sovremennoi tsivilizatsii* [10th Kant Readings. Classical reason and challenges of modern civilisation], Kaliningrad, vol. 2, pp. 60–70 (in Russian).

- Krouglov A. (2010) “Rannee kantianstvo v Rossii: I. V. L. Mel’man i I. G. Bule” [Early Kantianism in Russia: I. V. L. Melman and I. G. Bule]. *Kantovskii sbornik*, vol. 2 (32), pp. 39–51 (in Russian).
- Kryshtop L. (2016) *Uchenie o postulatakh v filosofii I. Kanta* [The doctrine of postulates in Kant’s philosophy]. Moscow (in Russian).
- Kryshtop L. (2020) *Moral’ i religiya v filosofii nemetskogo Prosvetshcheniya: ot Khr. Tomazija do I. Kanta* [Moral and religion in the philosophy of the German Enlightenment: from Chr. Thomasius to I. Kant]. Moscow (in Russian).
- Lubkin A. (2005) “Rassuzhdenie o tom, vozmozhno li nravoucheniyu dat’ tverdoe osnovanie nezavisimo ot religii” [Discourse on whether it is possible to give moralising a solid foundation regardless of religion], in V. A. Zhuchkov (ed.) *Kant: pro et contra*, St. Petersburg, pp. 11–18 (in Russian).
- Motroshilova N. (2007) *Mysliteli Rossii i filosofia Zapada: V. Solovyev, N. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov* [Thinkers of Russia and the philosophy of the West: V. Solovyev, N. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov]. Moscow (in Russian).
- Nadezhdin N. (2000) *Sovremennoe napravlenie prosveshcheniya* [Contemporary direction of enlightenment]. St. Petersburg (in Russian).
- Nizhnikov S. (2015) *Tvorchestvo I. Kanta v dialoge kul’tur Rossii i Zapada* [The work of Immanuel Kant in the dialogue between the cultures of Russia and the West]. Moscow (in Russian).
- Rozhin D. (2021) “Retsepsiia gnoseologicheskikh idei I. Kanta v metafizike F. A. Golubinskogo” [Reception of the epistemological ideas of I. Kant in the metaphysics of F. A. Golubinsky]. *Kantovskii sbornik*, vol. 40, no. 1, pp. 97–123 (in Russian).
- Skvortsov I. (2003) “Kriticheskoe obozrenie kantovoи religii v predelakh odnogo razuma” [A critical review of Kant’s religion within the boundaries of mere reason], in: V. N. Bryushinkin (ed.) *Komparativistskoe issledovanie v istorii filosofii* [Comparative research in history of philosophy], Kaliningrad, pp. 119–166 (in Russian).
- Sudakov A. (1998) *Absoliutnaya nravstvennost’: etika avtonomii i bezuslovnnyy zakon* [Absolute morality: ethics of autonomy and unconditional law]. Moscow (in Russian).
- Sudakov A. (2022) “Staryi, davno neobitaemyi fligel”: «Kritika prakticheskogo razuma» kak porozhdenie arkhitekturnogo klassitsizma” [An old, long-uninhabited house: “Criticism of practical reason” as a product of architectural classicism]. *Vestnik RUDN. Seriya “Filosofia”*, vol. 26, no. 3, pp. 623–643 (in Russian).
- Wolff Chr. (2001) “Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt”, in V. A. Zhuchkov (ed.) *Khristian Vol’f i filosofia v Rossii* [Christian Wolff and philosophy in Russia], St. Petersburg, pp. 229–358 (Russian translation).

Статья поступила в редакцию 03.08.2024

The article was submitted 03.08.2024